



*Мой  
плохой/лучший  
мужчина*

*Элиас Вэнс*

# Элиас Вэнс

## Мой плохой/лучший мужчина

<https://litres.ru/74289557>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Это сборник стихов, рождённых по ночам — когда город затихает, а душа начинает говорить в полный голос. Здесь нет вымысла. Только то, что было прожито до дрожи: любовь, что спасала и разрушала, потеря, от которой не застрахован никто, и надежда, что однажды кто-то останется навсегда.

Автор не ищет оправданий. Он просто проживает каждую строчку — с нежностью и жестокостью, со светом и холодом, с молитвой и проклятием. В этих стихах плачут, кричат, молчат, сгорают и воскресают — иногда в пределах одного стихотворения.

Особая часть сборника — цикл «Не тот черёд», вдохновлённый песнями Аллы Пугачёвой. Это не подражание, а возвращение — к тому, что когда-то было прожито, а стало просто мелодией из прошлого.

Эта книга для тех, кто ждал у закрытой двери. Для тех, кто разбивался, чтобы собраться заново. Для тех, кто не переставал дышать, даже когда не было сил.

«Мой плохой/лучший мужчина» — это исповедь, которая не просит ответа. Это дневник, который написал себя сам.

# Элиас Вэнс

## Мой плохой/ лучший мужчина

Элиас Вэнс

Мой плохой/лучший мужчина

*Сборник стихов*

Предисловие от автора

Я долго не хотел писать это предисловие.

Потому что предисловие – это объяснение. А объяснять стихи – всё равно что объяснять, почему дышишь. Можно описать легкие, диафрагму, кислород, но это не будет тем самым вдохом, когда в груди внезапно становится тесно и легко одновременно.

И всё же я пишу.

Не для того, чтобы меня поняли. Не для того, чтобы оправдать каждую строчку. А для того, чтобы тот, кто откроет эту книгу, знал: он держит в руках не чужую исповедь. Он держит осколки. Я собрал их не для того, чтобы блеснуть – я собрал их, чтобы они перестали резать мне руки изнутри.

Эти стихи рождались по ночам. Когда город затихал, когда даже дыхание казалось слишком громким, когда оставался только я и бумага. Я не выбирал темы – они приходили сами. Иногда как боль. Иногда как воспоминание. Иногда как голос, которого уже нет, но который продолжает звучать в стенах.

Здесь нет вымысла. Есть только то, что было прожито.

Я не хочу называть эту книгу «исповедью» – слишком громко. Скорее, это дневник, который я никогда не вёл, но который сам себя написал. Здесь есть место и нежности, и жестокости, и надежде, и полному её отсутствию. Здесь я плачу, кричу, молчу, сгораю и воскресаю. Иногда в пределах одного стихотворения.

Я знаю: многие из этих текстов – о боли. О той боли, которую я долго учился не стыдиться. О той, которая делала меня прозрачным, а потом – внезапно – тяжелым, как камень. Но я не искал страдания. Я искал правду. И находил её там, где не ожидал: в чужом взгляде, в пустой кровати, в тишине после долгого разговора.

Эта книга – не про меня. Она про каждого, кто когда-либо чувствовал, что его не видят. Про каждого, кто ждал у закрытой двери. Про каждого, кто разбивался, чтобы собраться заново, но уже другим.

И ещё.

Я хочу поблагодарить тех, кто стал героями этих стихов. Вы не всегда знаете об этом. Некоторые из вас уже ушли.

Некоторые остались. Я не называю имён – не потому, что боюсь, а потому что в стихах вы уже есть, и ваше настоящее имя там звучит громче, чем если бы я написал его в предисловии.

Я не знаю, кто будет читать эту книгу. Возможно, никто. Возможно, один человек в тихой комнате, который тоже не спит ночью. И это единственный читатель, ради которого стоило всё это писать.

Если ты сейчас держишь эти строки в руках – знай: ты не один. В этих стихах есть место и для твоей боли, и для твоей надежды, даже если ты не говорил о них вслух.

Мы все говорим на одном языке. Просто не все знают об этом.

А теперь — дальше. Строки сами скажут то, что я не умею произносить иначе.

Учитель, чья не меркнет доброта

Мне не хватает вас. Три года – мало ль?

Но только три, как сгинул ваш порог.

Когда в последний раз встречались наши взгляды,

Мы не гадали, что костер ваш – небосвод.

Вы с добротой встречали, улыбаясь,

Я кланялся, смущаясь, как всегда.

Вы были в мире этой самой, знаю, —  
Учитель, чья не меркнет доброта.

Здоровьем детским трепетно дышали,  
Спросить у мамы — долгом почитали.  
А мне... мне весть о том, что вы ушли,  
Смешала небо, землю и печали.

В тот миг душа, оставшись без опоры,  
На ложе пала, в путанице слез.  
И из глубин, где спят бывшие годы,  
Вдруг детство хлынуло — и я себя унес  
В те дни, когда с восторгом мы, бывало,  
Под сводами пели на два голоса.

Вы мне шептали: «Голос — твой награда,  
Поешь ты дивно, чисто, без изъяна».  
Увы, теперь моя слышна лишь правда:  
Для мира вы ушли, но для меня — нирвана  
Любви и доброты, что не сломать.

Навеки в сердце образ ваш нетленен.  
И, верю я: растаяв в толще лет,  
Я напишу вам гимн, что неизменен,  
Чтоб в нотах жил ваш свет.

## Возвращение

Сломаны крылья, и марево в голове.  
Где я? Кто я? – не сыщешь в кромешной мгле.  
Рванул вверх – и снова на дне, в траве.  
Каждый рывок – паденье во тьме, к земле.

Из груди, сквозь рубцы и живую боль,  
Сердце, как горный родник, точит туман.  
Ты метил в самое сердце, хотел – ноль,  
Но жизни во мне не убил, не взял в полон.

Обломки склеил, поднялся с земли –  
И к свету, где помощь, направил шаги.  
Дошел до заветных, забытых врат:  
«Откройте, – прохрипел. – Я принять невзгодам не рад...»

Провал... Тишина... И чей-то ловкий кукан.  
И вот я в пространстве из света и странных стран.  
Там люди – как свечи, под музыку лунной воды,  
На ложе из мха забываются следы беды.

Мне крылья сплетают – разорванный, слабый слет,  
Из сердца уходит каленый, немой нарыв.  
И боль отступает. Целительный, тихий свет.  
Теперь я готов, чтобы падать... но вижу – взлет.

Новый рассвет, словно стрелка, укажет путь.  
Стоит лишь крылья расправить и не свернуть.

## Покой

В душе моей теперь покой,  
Где раньше бушевал лишь хаос.  
Притихли молнии грозой,  
И ветер в поле стих.

Ты спросишь, глядя в облака:  
«Тебе со мною – хорошо ли?»  
А я молчу. Моя рука  
Застыла на твоей ладони.

И только сердце бьёт ответ,  
Горячее, как уголёк:  
«Ты даже не представляешь, нет,  
Как мне с тобою хорошо.

## Пустые слова

Он приходил – и ты поверил,  
Что за плечом его – навек.  
Но слово, брошенное веером,

Пустой и лживый человек.

Ушёл без звука, без прощания,  
Не обернувшись на порог.  
И твоё сердце – как молчание  
Нераспечатанных дорог.

Ты плакать хочешь? Слезы жалкие —  
Не для него, не для таких.  
Он даже тени в дымке шаткой  
Не стоит из печалей твоих.

А я стою – не смею тронуть,  
Не смею вымолвить, любя.  
Ты смотришь в сторону. Ладонью  
Закрой глаза – я жду тебя.

И всё напрасно? Всё пустое?  
И ты не видишь предо мной,  
Что я – ни разу не пустое,  
Что я – навек. Что я – с тобой.

Много людей

В моей жизни было много людей,  
Как поездов на станции моей.

Они входили в гулкий мой вагон,  
И выходили, слыша перезвон.

Одни – на миг, другие – на года,  
Но рельсы вдаль вели их навсегда.  
И каждый оставлял на сердце след –  
То горький шрам, то тёплый, мягкий свет.

Я научился провожать, встречать,  
И молча двери за собой прощать.  
Но ты вошёл – и мир переменялся,  
И страх потери в сердце поселился.

Я так прошу тебя, сквозь эту дрожь,  
Что ты однажды тоже не уйдёшь.  
Не разбивай на тысячи огней  
Души моей. Не делай больно мне.

Любимой

Моя нежная, милая, родная,  
Любимая, дорогая, навсегда.  
Люблю тебя, душа моя, без края,  
И жизнь отдам, не дрогнув никогда.

Твои каштановые волосы, словно шелк струятся локона-

ми,

В них носом зарываясь, я дышу.  
Их аромат, что в сердце мне ложится,  
Я всей душой, всей жизнью дорожу.

Твои глаза, как океан бездонный,  
В них утопаю, позабыв про всё.  
И помнишь, милая, момент тот, сокровенный,  
Под дубом старым, где читал тебе свои стихи?

Мы так любили, строили мечты,  
Грядущей жизни планы рисовали.  
Но злой, коварный рак, увы,  
Все наши планы в прах развеял.

Тебя не стало в шестьдесят пять лет,  
Ты билась с ним, я верил и молился.  
Но он забрал тебя, оставив мне лишь след,  
И мир мой в одночасье изменился.

Теперь к могиле каждый день иду,  
И новые стихи тебе читаю.  
Но ты не слышишь, знаю, не пойму,  
Как дальше жить, тебя не ощущая.

Прошло лишь пара лет, но я седой,

Старик, что медленно шагает по земле.  
Но наша память, наша любовь, мой герой,  
Всегда останется со мной, в моей душе.

### Зимнее ожидание

За окном бушует вьюга,  
Снег ложится на порог.  
А в душе моей – не скука,  
А эмоций бурный ток.

Мысли все лишь об одном,  
Человеке дорогом.  
Имя вслух не произнести,  
Но оно в сердечке есть.

Он проходит, смотрит мимо,  
Словно я – невидим.  
И летит из уст немых  
Безнадёжный, тихий вздох.

Когда ж он заметит, Боже?  
Этот задаю вопрос.  
И мороз бежит по коже  
От непролитых им слёз.

А подруга, видя муку,  
Нежно гладит мою руку:  
«Жди, – твердит она в ответ, –  
Свой для каждого рассвет.

Время лечит, время судит,  
И однажды так и будет:  
Он увидит свет в тебе,  
Благодарная судьбе».

Я киваю, с ней согласен,  
Хоть и ждать порой ужасно.  
И смотрю в окно, где выюга  
Ходит замкнутым лишь кругом...

## Собака

Свою собаку выставил за дверь,  
В порыве злости, сгоряча... Поверь,  
Я не хотел. Теперь брожу как тень,  
Ищу ее уже который день.

Из-за нее вторую ночь не сплю,  
И сам себя за тот поступок злю.  
Тревожный сон мне не дает покой,  
Как будто все случается со мной.

Во сне, как наяву, я снова строг,  
И пса гоню с порога за порог.  
Кричу ей "Прочь!", машу во сне рукой...  
И просыпаюсь с горечью такой.

Потом опять, опомнившись, зову,  
Срывая голос в серую траву.  
Но тишина в ответ, и пустота.  
Она ушла. И не придет сюда.

### Используемый

Я был игрушкой твоею, –  
Фарфоровой, хрупкой, пустой.  
Ты взял, поиграл – и, жалея,  
Разбил о камин золотой.

Осколки звенят на паркете,  
И пылью покрылся атлас.  
«Забавно, – сказал ты, – но дети  
Не плачут об игрушках каждый раз».

Но ты не учёл, что осколки  
Живее, чем целый фарфор,  
Что, склеив венчальные челки,

Я вновь соберу свой узор.

И встану – белей, чем мессинский  
Мрамор, что видел обвал,  
С улыбкой, острее лезвия,  
Сказав: «Я тебя не ждал».

Теперь ты игрушка иная –  
Ты сам в моей жесткой руке.  
И, пальцы сжимая, я знаю:  
Не плачут о тех, кто в тоске.

### Исцеление

Ты не залечил мои раны, –  
Ты научил меня любить их.  
Как иконы, как старые раны,  
Что не стыдно, а свято носить.

Потому что сквозь каждую щель,  
Где кровоточила когда-то душа,  
Я увидел свет и метель,  
И себя – из осколков.

Ты не врач, ты – жестокий учитель,  
Ты не бинт, ты – солёный йод.

Ты заставил меня быть живым,  
Ты вернул меня в мой же мир.

Я теперь не боюсь темноты,  
Я знаю ее изнутри.  
И все шрамы мои – как цветы,  
Что взрастил ты на горелой земле.

Благодарен? Нет, выше – я знаю,  
Что без боли не было б дня.  
Ты не вылечил – я прорастаю  
Из того, что сгубило меня.

И теперь, когда плачу во сне,  
Я не плачу о прошлом – о силе.  
Ты оставил мне раны на дне,  
Чтоб я помнил: мы не забыли.  
Вкус крови

На твоей губе запеклась кровь –  
Это моя вина, я виноват..  
Ты улыбнулся, промолвив: «Любовь...»  
И навек разорвало меня.

Я хочу припасть к этой ране,  
Замереть, не дышать, онеметь.

Ты пахнешь мятой и горькой храбростью,  
И мне сладко в аду гореть.

Пусть беда, пусть петля, пусть расплата,  
Только этот солёный рубец –  
Как святая печать заката  
На губах моих, наконец.

И не жаль ни стыда, ни покоя,  
Ни грядущих бессонных ночей.  
Только эта капелька крови  
Дороже всей моей жизни.

Его глаза

Взгляд твой тяжек, и плавлюсь я, тая,  
Словно плитка в гортани огня.  
Очи – бездны, где гибель сам,  
Я готов утонуть, не кляня.

Не скажу тебе в очи ни слова, –  
Ты пуглив, как ночной зверолов.  
Но в тетради, где строчка сурова,  
Ты – мой пленник, берег, и кров.

Я запомнил жесты твои и плечи,

Влагой соленой впитав.

Ты – мой самый излюбленный, вечный,  
Мой единственный, дикий, любимый.

Лишь в заветных листах, под замком,  
Ты – не призрак, а плоть и гроза.  
И гляжу на тебя исподлобья,  
Затаив ледяные глаза.

Те же глаза

Не изменились очи. В них, как прежде,  
Та искра, что не сжечь, не затушить.  
И та же нега, та же боль в надежде,  
И та же вечность, что велит нам жить.

Ты смотришь, и былого не вернуть,  
Но узнаю в тебе былую муку.  
И опускаю на колени руку,  
Чтоб через век к твоей руке прильнуть.

Ах, эти взгляды – выжженная мета!  
Но ты стоишь, бессмертен и жесток,  
И держишь нить, где сшиты явь и рок,

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.